

ЗАРУБЕЖНАЯ ФИЛОСОФИЯ: **ТРАДИЦИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

УДК: 1(091):177(316.3)

DOI: 10.26456/vtphilos/2023.2.119

МИР(О)-ПОРЯДОК КАК ОСНОВА «СОЦИАЛЬНОГО» В ДОКТРИНЕ МАРСИЛИЯ ПАДУАНСКОГО

Н.Н. Козлова^{1,2}, С.В. Рассадин¹

¹ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

²ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет»,
г. Москва

Авторы исследуют дискурсивное конструирование «Социального» в труде Марсилия Падуанского «Защитник мира». Авторы полагают, что итальянский мыслитель осуществил конвергенцию перипатетического и теологического дискурсов с применением органического инструментария. Раскрывается функциональный подход итальянского мыслителя, выраженный в поиске конфигурации институтов «Социального», обеспечивающих мир и спокойствие общества. В рамках дискуссии о степени радикальности взглядов Марсилия Падуанского предлагается умеренная трактовка его концепции народного суверенитета: при сохранении средневековой теологической конструкции бытия, в котором «вся власть от Бога», источник власти в «этом мире» выводится за пределы теологического дискурса. Авторы считают, что пересборка «Социального» в труде Марсилия Падуанского предполагает новый аксиологический и институциональный порядок, в котором основополагающей ценностью и организацией является единая неделимая политическая власть в лице государства, обладающая верховенством в процессе принятия решений.

***Ключевые слова:** «Социальное», социальное конструирование, Марсилиус Падуанский, теологический дискурс, политическая власть, средневековая философия.*

Дискурсивное конструирование «Социального» в эпоху развитого Средневековья детерминируется контекстом острой политической борьбы между папством и светской властью, по словам А.Г. Сытина, спором, «продолжавшемся с разной интенсивностью в течение едва ли не всего европейского Средневековья» [22, с. 38]. Опираясь на теории дискурса, можно утверждать, что за стремлением мыслителей артикулировать свою позицию по вопросу о соотношении светской и духовной власти стоит определенная картина мира в аспекте воспроизводства власти. Исследователи отмечают, что для эпохи Средневековья характерно отсутствие единого политического пространства, наличие конгломерата замкнутых политических единиц, которые в условиях политической раздробленности находились в состоянии

© Козлова Н.Н.,
Рассадин С.В., 2023

постоянной/перманентной войны – Императоры, города-республики, папа и др. участники политического процесса [15; 16, с. 73–129; 23]. Э. Зибницкий указывает: «Христианское Средневековье пыталось подняться над грубой эмпирикой “плюрализма воли” и создать некое совершенное государство, в котором бы воцарились мир, закон и порядок» [11, с. 75].

Исходной конструируемой рамкой «Социального», которая подвергается аналитической переработке в развитом Средневековье, является сформулированное Аврелием Августином еще в V в. учение о Граде Божьем (Civitas Dei). Э. Жильсон отмечает: «Два сообщества, которые любит описывать св. Августин и которые поглощают у него все прочие сообщества, – это Град Божий и град земной... Доктрина Августина в том виде, в каком он ее сформулировал, содержала идею чрезвычайной важности: идею вселенской религиозной гражданственности. Но она ничего не говорила об универсальном земном сообществе... С того момента, как сам земной порядок интегрируется таким образом в Церковь, Град Божий оказывается представлен Церковью, но более не остается языческой империи, представляющей град земной» [10, с. 243]. Поэтому используемое Августином понятие «христианский народ» обесмысливало дальнейшую выработку нового социального знания.

К факторам, стимулирующим поиск нового языка описания «Социального», исследователи относят рецепцию идей Аристотеля средневековым интеллектуальным сообществом с конца XII в. В XIII в., опираясь на аристотелевский принцип, что человек – это существо общественное, а гражданская жизнь необходима человеку, чтобы достигнуть полноты своего развития, Фома Аквинский придал ценность «Социальному», утвердив реальное различие мирского и религиозного порядков [1]. В итоге размышлений Аквината реабилитация «Социального» оправдывается умножением разумов отдельных индивидов для достижения благой жизни, однако субординация порядков с приоритетом Церкви, принципиально консервировала социальный дискурс. В то же время наследие Аристотеля вкупе с римским правом концептуально позволяло расколоть целостность «христианского мира» путем обоснования самодостаточности политических общностей [15, с. 130].

Значительную роль в формировании концепта «Социальное» сыграли те мыслители, которые стремились обозначить автономность светской власти от духовной, интегрируя в анализ обществ новые теоретические конструкции, метафоры, предлагая детализированное описание социальных систем, трансформируя лексические единицы религиозно-морально-этической сферы в гражданский дискурс. Как отмечает Б.Н. Чичерин, «на защиту императорской власти против папских притязаний двинулись не одни приверженцы теории всемирной монархии и крайние демократы, на поприще борьбы явились и схоласты» [24, с. 229]. В своих произведениях Данте Алигьери, Марсилиус Падуанский, Уильям Оккам и др. реализуют цель – де-

потенцировать папскую власть за счет придания весомости/самодостаточности светской власти, стремясь обнаружить источник власти в гражданском обществе, осуществить пересборку известных Средневековью элементов «Социального». Центром конструирования «Социального» для мыслителей становится государство как светский институт, его формы, источники и механизмы реализации государственной власти, который собирает вокруг себя все общество, включая церковь как одну из его частей. По мнению К. Скиннера, с конца XIII в. до конца XVI в. в Европе происходит выработка идеи конкретного правового и конституционного порядка, позволяющей концептуализировать государство «как единственный источник власти и легитимной силы на своей территории» [20, с. 8].

Цель данной статьи – анализ дискурсивного конструирования «Социального» в эпоху развитого Средневековья в труде итальянского мыслителя Марсилиа Падуанского (1275–1342) «Защитник мира». Многие исследователи его творчества считают, что идеи Марсилиа знаменуют концептуальный сдвиг в европейской политико-философской мысли XIV в., возводят генезис представлений о суверенитете с творчества Марсилиа Падуанского [12]. По мнению А.Г. Сытина, основные положения книги «Защитник мира» предвосхитили новоевропейские теории народного суверенитета [22, с. 35]. Отдельные исследователи «Защитника мира» обозначают его суждения как оригинальные [21; 25; 26], радикальные [14], полагая, что Марсилий «разработал средневековую теорию разделения властей между законодательствующим народом и исполняющим монархом» [19, с. 108]. Н. Афанасов и А. Павлов называют политическую теорию Марсилиа «секулярной политической теологией», поскольку итальянский мыслитель «не просто признает за государством первенство, но и отказывает церкви в возможности иметь в этом мире какую-либо власть» [2, с. 45]. А.А. Бычков высказывает точку зрения, что Марсилий Падуанский полностью отказывается от теократического основания любой политической власти [5]. По мнению Г.П. Лупарева, главной методологической особенностью «Defensor pacis» является необыкновенный для средневекового произведения конструктивизм, поскольку в трактате Марсилий «не просто развенчивает папские претензии на неограниченную власть в обществе, но противопоставляет им собственный проект государственности, построенный на идее верховенства народа» [17, с. 32–33].

Ряд исследователей подчеркивает идеологическую подоплеку труда «Защитник мира»: А.Г. Енько считает, что Марсилий оспорил светские притязания папства [9], К. Скиннер полагает, что Марсилий внес существенный вклад в идеологию городских республик *Regnum Italicum*, «полностью оправдав их *de jure* независимость от Церкви» [20, с. 52].

В то же время некоторые эксперты в области творчества предостерегают от модернизационных трактовок концепции Марсилиа, отмечая отражение в его труде практик управления итальянскими городами-коммунами [4, с. 127].

Обратимся непосредственно к труду мыслителя. На наш взгляд, отправной точкой для поиска нового языка описания феномена «Социальное» становится проблема мира. Впервые артикуляция мира как самой насущной потребности общества встречается в трудах итальянского поэта, политического деятеля Данте Алигьери (1265–1321): «И род человеческий, будучи в состоянии покоя и ничем невозмутимого мира обладает наибольшей свободой и легкостью совершать свойственное ему дело, почти божественное... всеобщий мир есть наилучшее из того, что создано для нашего блаженства» [7, с. 28]. Итальянский мыслитель Марсилий Падуанский в труде «Защитник мира» вторит Данте: «Для существования любого королевства, безусловно, необходим мир, который стимулирует развитие народов и одновременно защищает их интересы. Он является источником, наполненным красотой искусств и наук. Именно мир и спокойствие, умножая расу смертных непрерывным обновлением, расширяют их возможности и развивают нравы» [18, с. 64]. Марсилий Падуанский объясняет название своего произведения, указывая, что «в нём обсуждаются и разъясняются основные причины, посредством которых гражданский мир, или спокойствие [в обществе], существует и поддерживается, а также причины, по которым возникает его противоположность – борьба, ему препятствующая и его уничтожающая» [18, с. 653]. Непосредственной причиной, вынудившей итальянского мыслителя обратиться к пересборке «Социального», являлся конфликт между Папой Римским Иоанном XXII и императором Священной Римской империи Людвигом Баварским. Как патриот Италии, «сын своей родины-матери, такой спокойной и красивой прежде, а теперь безобразной и растерзанной», Марсилий сокрушается о последствиях раздоров среди жителей: раздробление государства, господство иноземных народов, тяжкий гнет тиранов и т. д. [18, с. 66], стремится в произведении выразить «перед Богом свой протест» против сложившегося социально-политического порядка, обвиняя епископов Рима в узурпации власти [18, с. 561]. Н. Афанасов и А. Павлов считают, что, полагая целью земной жизни мир, а не добродетель, Марсилий «занижает стандарты древнегреческой мысли» [2, с. 45]. Для нас важно, что Марсилий исходит из того, что наличное «Социальное» не обеспечивает мир и спокойствие, поэтому конструирование «Социального» мыслители начинают с поиска механизма равновесия и стабильности в обществе и анализа соотношения элементов между собой. Можно сказать, что, изучая состояние общества, средневековый мыслитель выводит определенный порядок, конкретную конфигурацию институтов, детерминирующих процессуальные/функциональные аспекты «Социального». Автор «Защитника мира» указывает на данную идею со всей очевидностью: «Мы сказали, что мир и спокойствие являются хорошим состоянием (механизмом) государства для взаимодействия его частей. В последующем надо обратить внимание на сущность и цель самого государства, на характер и количество его основных частей; кроме того, на роль каждой из них; и, нако-

нец, на их причины и соответствующий порядок; таковы предпосылки, необходимые для точного определения спокойствия и его противоположности» [18, с. 76]. Таким образом, Марсилиий приходит к выводу, что за мир и спокойствие отвечают политические институты, прежде всего, государство, которое и является объектом пристального внимания итальянского мыслителя. Другой аспект, затронутый Марсилием, – это связь состояния «Социального» с концептуально-идеологической подсистемой, которую падуанец называет софистской, пагубной для рода человеческого доктриной [18, с. 67], конкретизируя далее на страницах своей книги теократическое учение католической церкви. Падуанец ставит задачу «познать и сорвать маску софизма с ошибочного мнения некоторых епископов римских и их сообщников, которое, выражая порочные желания, до настоящего времени является источником всех общественных раздоров» [18, с. 194]. Д. Джермино полагает, что ориентация текста Марсилиия, так сказать, «на злобу дня» не дает возможности эксплицировать философские основания его идей [8, с. 339]. Однако, на наш взгляд, прежде чем приступить к теме мира/раздора, Марсилиий Падуанский концептуально определяется с рядом универсальных понятий – власть, государство, право, закон, собственность, богатство/бедность и др., что придает его труду теоретический характер. Согласимся с мнением А.К. Гладкова, который рассматривает дискурс Марсилиия Падуанского как «пример удивительного интеллектуального синкретизма, определяющего “смысловую многослойность” использованной автором терминологии» [6, с. 9]. Разбирая понятие *regnum* (в переводе с франц. Б.У. Есенова «королевство» [18, с. 72]), Марсилиий выделяет несколько традиционных трактовок значения термина «королевство» и предлагает интерпретацию со ссылкой на авторитет Аристотеля, что «государство есть одно одушевленное или живое существо» [18, с. 73]. Марсилиий сравнивает общество и живой организм, рассматривая структуру общества следующим образом: «Действительно, подобно живому организму, состоящему по его природе из определённых расположенных органов, обеспечивающих взаимосвязь целого и осуществляющих свои функции во взаимном обмене, государство тоже состоит из определённых частей, если оно хорошо, согласно здравому смыслу упорядочено» [18, с. 73]. Собственно, используемая итальянским мыслителем органическая метафора в социально-политическом дискурсе не являлась новаторской для Средневековья: в XI в. органический подход был применен И. Солсберийским в труде «Политкратикус», который использовал его для оценивания важности/значимости различных частей организма, проводя аналогию органов с институтами власти, и выявляя таким образом иерархию последних. Органическая метафора была близка автору «Защитника мира» как профессиональному врачу [3], но Марсилиий Падуанский использовал ее для демонстрации единства и связности общества/организма, от которого, по его мнению, зависит мир/здоровье субъекта: «Как конституция тела живого существа и его органы сложены для обеспечения ему здоровья, так же, очевидно, учреждение государств и его частей

должно быть создано для обеспечения ему мира» [18, с. 73]. Опираясь на данный тезис, итальянский мыслитель сосредоточен на выяснении сущности, цели, происхождении общества, конкретных функций каждой его части, вклада органов власти в функционирование целого. Рассматривая общество в исторической ретроспективе, Марсилиий убежден в поступательном развитии общества от низших форм к высшим, «от несовершенных форм общения люди дошли до совершенных сообществ, их строев правления и образов» [18, с. 75]. Согласимся с А.А. Бычковым в том, что «фактически Марсилиий, отказавшись от идеи рассмотрения человечества как единого целого, поставив во главу угла итальянскую *communitas* в качестве единицы своего политико-философского анализа, произвёл второе существенное отклонение от “классического” понимания империи в качестве политического порядка, который непременно должен объединять весь человеческий род, без чего достижение людьми общего блага невозможно» [5, с. 22]. Марсилиий видит отличие общественной/государственной организации от семейного быта в установлении справедливости, рационального порядка, соответствующих требованию «человеческого разума» [18, с. 76], и вслед за Аристотелем полагает государство «совершенным обществом» [18, с. 78]. Важно отметить, что в противовес мейнстриму теологического дискурса средневековой мысли, итальянский мыслитель подчеркивает, что он концентрируется исключительно на исследовании земной жизни, тогда как небесная/вечная, по мысли Марсилиия, «не относится к области очевидной» [18, с. 80], поэтому он рассуждает «только об установлении законов и правлений, которые происходят непосредственно от воли человеческого разума» [18, с. 123]. Падуанец приходит к выводу, что человек появляется с врождёнными элементами противоположностей, поэтому среди людей возникают разногласия и ссоры, избежать которых возможно установлением норм права и созданием органов правосудия. В целом Марсилиий для конструирования идеального государства, создавшего «механизм самообеспечения путём взаимодействия разных его частей» [18, с. 81], надстраивает над семьей и селением три подсистемы: гражданскую – политическую/государственную, связанную с установлением права и контролем за его исполнением, религиозную и экономическую. На наш взгляд, идея самообеспечения роднит итальянского мыслителя с представителями системного социального дискурса (Т. Парсонсом, Д. Истоном и др.). Реализация механизма самообеспечения, по мысли Марсилиия, возможна благодаря деятельности крестьян, ремесленников, торговцев, воинов, священников, судей/советников. Духовенство, военных и судей автор относит к привилегированным, «знатным» людям, тогда как первые три слоя вслед за Аристотелем Марсилиий называет «плебейскими» [18, с. 82]. Важность воинов и судей Марсилиий объясняет не только профилактикой конфликтов; он затрагивает различные аспекты идеи государственного суверенитета, утверждая, что приговоры судей против насильников и внутренних мятежников должны ис-

полняться принудительной силой, а государство не сможет обеспечить хорошую жизнь, если граждане будут обращены в рабство [18, с. 85–86]. Одну из функций политической системы итальянский мыслитель видит в поддержании равновесия и обеспечении пропорций социальной системы, просекании излишеств и т. д. [18, с. 85]. Излагая подробно функционал каждой из частей государства, Марсилиус затрудняется в обосновании необходимости части священнической. С одной стороны, мыслитель отмечает, что она не может «рассматриваться как вещь, явная сама по себе», с другой стороны, «все народы пришли к согласию насчёт её учреждения для поклонения Богу и восхваления Его ради получения выгоды, которую мы находим в этом мире и [ещё больше] найдём в другом» [18, с. 87]. Марсилиус полагает, что священники также вносят свою лепту в поддержание мира тем, что внушают умеренность, призывают к почтению и милосердию [18, с. 89]. Опираясь на теологический дискурс, Марсилиус объясняет необходимость государства несовершенной природой человека вследствие грехопадения: «Если бы он (Адам. – *Н.К., С.Р.*) оставался таким же, не было бы необходимости учреждать для него и его потомства разные части государства, а также обособлять их. Ведь природа предоставила бы ему выгоды и удовольствия от достаточной жизни в земном рае, не прилагая для этого никаких усилий и не боясь никаких наказаний» [18, с. 91]. Согласимся с Н. Афанасовым и А. Павловым, что в вопросе о происхождении государства Марсилиус пытается органично совместить взгляды Аристотеля с идеями Августина [2, с. 52].

Марсилиус сравнивает Бога с врачом, который «действовал в данной области как опытный медик» и дал человечеству «некоторые заветы послушания, которые как противоядие от непослушания должны излечивать болезнь греховного падения» [18, с. 91–92]. Поэтому задачей священства является «воспитание и обучение человека тому, во что необходимо верить, что делать и чего избегать согласно евангельскому Закону, дабы достичь Вечного Спасения и избежать вечного страдания» [18, с. 94]. С точки зрения Падуанца, данная задача является частной по отношению к обществу как целому, поскольку «общей конечной целью всех служб государства является обеспечение благоприятных условий гражданам и состояния достаточности для свершения их действий и страстей» [18, с. 95]. В результате Марсилиус делает вывод, что священство необходимо подчинить мирскому законодателю, устранив при этом монополию римских епископов на толкование Библии, и, тем самым, интегрировать священство в единое социальное тело.

Придавая государству значительную ценность, падуанец в то же время характеризует государство с функциональных позиций. Рассуждая о причинах существования служб или частей государства, Марсилиус выделяет материальные («люди, получившие потенциал посредством овладения разными ремёслами и учениями, на основе которых в государстве учреждены различные части для достаточной жизни как его конечной цели»),

формальные («наставления, которые действующая причина даровала и внушила тем, кому предназначено исполнять определённые функции в государстве») и действующие («возможности души... они являются разумом и волей людей в их мыслях и желаниях, рассматриваемых... в индивидуальном или коллективном видах») [18, с. 95]. Трактовка итальянским мыслителем материальных служб близка к современным понятиям о сервисном государстве как деятельности, направленной к услугам человека [18, с. 96–97]. В рамках христианской теологии Марсилиий понимает отправление власти как служение: выполняя свой функционал, государственная власть служит обществу. Итальянского мыслителя интересуют в трактате, прежде всего, действующие причины существования различных государственных органов, которые автор связывает с законодателем, ибо «именно законодательная власть разделяет и устанавливает эти службы, подобно тому, что совершается в природе» [18, с. 98].

Признавая ключевой тезис теологической доктрины о даровании Богом правления на земле, Марсилиий в то же время утверждает, что «Бог не всегда действует непосредственно», а в большинстве случаев «устанавливает правление государством посредством человеческого разума, которому Он даровал свободу такого деяния» [18, с. 101]. Поэтому, опираясь на разум, Марсилиий полагает, что может получить знание «того, что является лучшим или худшим для политической формы» [18, с. 101]. Выделяя правильные и неправильные формы государства, Падуанец считает правильными те, которые в большей степени основаны на согласии подданных [18, с. 105], поэтому «выборный тип правления является лучшим по сравнению с теми, которые им не являются» [18, с. 105]. По мнению итальянского мыслителя, чтобы политическое общество достигло высокого уровня согласия, стало предрасположенным к справедливому и полезному состоянию, необходимо установить закон, под которым автор «Защитника мира» понимает «правила справедливого и полезного в городе-государстве, выражением которых являются традиции, обычаи, всенародные постановления и любые подобные правила обязательного характера, установленные властью» [18, с. 111]. Марсилиий связывает несправедливые законы с ограничением прав, угнетением и нищетой граждан, которые приводят к развалу политического сообщества. Утверждая, что «закон – это одно око, состоящее из множества глаз» [18, с. 117], Падуанец указывает, что «законодателем, т. е. действующей (первой и особенной) причиной закона, является сам народ или его преобладающая часть» [18, с. 124]. Марсилиий продолжает: «Эта преобладающая часть, оцениваемая мною с точки зрения количества людей и их положения в обществе, путём голосования на общем собрании граждан предопределяет содержание закона, предписывает в нём поступки человека, устанавливает, что допустимо, а что недопустимо под угрозой наказания» [18, с. 124]. Итальянский мыслитель отказывается признавать другие источники закона, в частности, церемонии/торжества, видя в них лишь символическую природу. В частности, в рамках дискуссии о роли папства в создании

империи (коронация Карла Великого в 800 г. римским папой Львом III) Марсилиий высказывает идею, что смысл процедуры коронации состоял не в передаче власти императору, а придании официального характера данной власти [18, с. 642]. Мыслитель обосновывает необходимость принятия закона народом большей вероятностью заметить ошибку или чей-либо личный интерес, а на стадии правоприменения – обеспечить повиновение закону гражданина, в выработке которого он участвовал сам [18, с. 127].

Марсилиий ссылается на аристотелевское понятие гражданина: «Я называю гражданином того, кто участвует в управлении гражданским обществом, участвует в юридических делах или судебном разбирательстве по своему положению» [18, с. 124–125]. При этом мыслитель требует от гражданина высокого уровня политико-правовой культуры, позволяющей вникнуть в суть государственных проблем и противостоять манипулированию общественным мнением со стороны римских епископов [18, с. 123]. Высказывая сожаления о низком уровне развития интеллектуальных способностей граждан, Марсилиий полагает необходимым и полезным, чтобы «общая масса граждан доверила благоразумным и опытным людям открытие, исследования и разработку будущих законов и сводов правил относительно того, что является справедливым и полезным для государства» [18, с. 137]. Механизм итальянский мыслитель предлагает следующий: «каждая из основных служб государства..., исходя из пропорционального соотношения всех, избирает несколько человек; или же вся объединённая масса граждан выбирает этих благоразумных и опытных людей», а как только «законы будут созданы и тщательно рассмотрены, они должны быть предложены всей массе граждан на одобрение или отклонение [18, с. 137]. Таким образом, Марсилиий вводит в законотворческий процесс элемент публичного одобрения разработанных норм.

В научной литературе нет единой трактовки «*legislator humanus*». В частности, Б.И. Ключко указывает, что «*legislator humanus*» не следует воспринимать как синоним современного законодателя, поскольку Марсилиий Падуа́нский рассуждал о гражданской общине (*civitas*), а не государстве, и не знал концепции разделения властей, теории суверенитета [13, с. 138]. Помимо законодательной функции Марсилиий приписывает народу право утверждать или выбирать правление (правителя): «Только законодатель обладает правом определять правителя или даже убирать его [с поста], если это необходимо для общего блага. Это составляет одно из самых важных дел в политическом обществе и принадлежит всей массе граждан» [18, с. 148]. Итальянский мыслитель полагает правильным механизм избрания императора Священной римской империи тремя христианскими архиепископами и четырьмя светскими христианскими князьями [18, с. 543], поскольку данные выборщики «не имеют для решения этой задачи особой власти и другой [правовой] основы, хотя она [такая власть] не может быть у них отнята или отозвана другим лицом, кроме вышеупомянутого человеческого законодателя Римской империи» [18, с. 643].

В дальнейшем итальянский мыслитель подробно разбирает функционал «исполнительной или инструментальной» власти правителя: кадровые назначения, организация военной службы, отправление правосудия, исполнение приговоров. Чтобы государство и его существующие части являлись «аналогией великолепно созданного природой живого организма и его органов» [18, с. 150], по мысли Марсилия, правящая часть должна содействовать всем службам в выполнении их функций, а «деятельность правителя в государстве, подобно деятельности сердца в живом организме, никогда не должна прекращаться» [18, с. 155]. Характеризуя правителя, Марсилиус затрагивает и внутренний аспект суверенитета, а именно единство и верховенство государственной власти: королевство должно иметь «один высший принципат, а не несколько», правитель «должен быть один, если речь идёт о нём не как о представителе человеческого рода, а как о представителе власти» [18, с. 177], принципату должны быть подчинены другие части государства [18, с. 178]. По мнению итальянского мыслителя, именно общий правитель, регулирующий социальные связи, и даёт возможность государству быть единым организмом [18, с. 180]. Падуанец не разделяет идею своего соотечественника Данте о необходимости всемирной монархии, полагая, что «предпочтительно, чтобы в разных краях, разделяемых расстояниями, различиями в языках, обычаях и традициях населения, каждое сообщество обрело тот принципат, который ему подобает [18, с. 179]. «Ибо, хотя все верующие едины во Христе, или в веровании в Него, независимо от того, являются ли они евреями или греками, владельцами или рабами, тем не менее существует различие в отношениях людей между ними, и апостолы предписывают, чтобы такой порядок был сохранён на протяжении этой жизни» [18, с. 243]. При этом, как предполагает А. Гевирт, Марсилиус, ориентируясь на порядки поздней Священной Римской империи Германской нации, определял роль императора в терминах номинального верховенства [25]. Марсилиус педалирует идею об ответственности правителя перед законодателем, о подчинении правителя власти закона [18, с. 181–183, 639], что роднит ее с идеей правового государства.

В противовес идеалу Марсилиус – мирному/спокойному существованию государства под властью одного правителя – автор «Защитника мира» анализирует конфликт между римскими епископами и императорами Священной римской империи, в результате которого итальянское королевство было подвергнуто «всевозможным унижениям», «всевозможным беспокойствам» [18, с. 187]. Марсилиус подробно останавливается на генезисе священства с первых веков существования христианства до того момента, когда «некоторые епископы, наследующие его [Симона-Петра] папский трон в Риме, особенно после эпохи императора Константина», выдвинули идею полноты власти (*plenitudo potestatis*) в лице Папы Римского [18, с. 190]. В отличие от римских епископов, которые именно таким образом интерпретировали вручение ключей от Царствия Небесного Иисусом апостолу Петру

[18, с. 209], и на этом основании добивались присвоения «себе принудительной юрисдикции во всех королевствах», «над всеми народами и провинциями», подчинении «себе правителей и всех живущих в обществе людей» [18, с. 198–199], Марсилий трактует полноту власти как всеобщую папскую заботу «о душах всех народов и государств мира» [18, с. 501]. Он отстаивает ключевой тезис, что «ни епископу римскому, ни какому другому епископу, священнику или духовному служителю как таковому не принадлежит обязанность принудительного правления над любым отдельно взятым человеком, в каком бы звании он ни находился, над любой группой или сообществом» [18, с. 192–193], выступает против претензии Папы Римского на утверждение избранного коллегией римского императора [18, с. 543]. При этом Марсилий не посягает на основы христианской онтологии, указывая, что «мы будем ссылаться на авторитет Священного Писания» [18, с. 209], а объектом критики выбирает не церковь как институт, а отдельных ее представителей, которые искажают Писание и злоупотребляют властью [18, с. 199, 519].

Для последовательного опровержения аргументов римских епископов итальянский мыслитель предлагает расширенную трактовку понятия «церковь» как массы верующих во Христа, не ограничиваясь совокупностью «священников, епископов, диаконов» [18, с. 201, 202]. Разграничивая понятия «духовный» и «мирской», автор указывает, что «сутяжнические, плотские и мирские» поступки духовенства должны быть подсудны светскому суду [18, с. 206, 253, 281], что «человеческий закон должен быть мерилom подобных деяний» [18, с. 207]. Обращаясь к идеалам раннего христианства, итальянский мыслитель считает, что Иисус отказался от правления, от богатства [18, с. 254, 322], «продемонстрировал необходимость подчинения принудительной юрисдикции мирского правителя... на самом себе, собственной самодисциплиной» [18, с. 228]. Опираясь на изречения апостола Павла «Всякая душа да будет покорна высшим властям; ибо нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены» (Рим 13:1)», автор «Защитника мира» считает, что «тот, кто сопротивляется власти, сопротивляется повелению Бога» [18, с. 239], что и происходит, когда епископы вмешиваются в светские дела, тем самым «покушаются на чужую область деятельности» [18, с. 236]. Марсилию важно подчеркнуть, что всякая душа, в том числе и священнослужители, должны подчиниться верховной власти правителя, а в совокупности все люди, в том числе и правитель, должны подчиняться более высшей власти – власти Бога [18, с. 241]. Итальянский мыслитель специально оговаривает ситуацию, при которой власть правителя может носить разрушительный характер, «поскольку при ней хорошие не очищаются, а злобные не наказываются» [18, с. 240], поэтому он оставляет право на сопротивление власти, подчёркивая абсолютное превосходство Божьего закона над человеческим [18, с. 281, 329].

Важно помнить в этом контексте, что Марсилиий мыслит в логической конструкции разделения мира на небесный и мирской, поэтому и полагает в конечном счете, что «под именем власть понимается либо та, которая была дана от Бога, либо та, которой обладает человек, что внимательный читатель может различать» [18, с. 240]. Автор указывает, что «такая власть в этом мире (курсив наш. – *Н.К., С.Р.*) даётся законом или человеческим законодателем» [18, с. 246]. В данной конструкции только власть правителя обладает принудительным характером («подобная власть принадлежит лишь человеческому законодателю» [18, с. 248]), так как Марсилиий рассматривает правителя как служителя Божия, «карателя от гнева Божьего» на земле. Выполнение данной функции, по мнению итальянского мыслителя, предполагает, что правитель не может иметь «жалкий и покорный вид» [18, с. 320], иначе подданные не будут его почитать и бояться. Поэтому, несмотря на декларируемую Марсилием потенциальную возможность противостоять власти, итальянский мыслитель настаивает на подчинении подданных ей, уплате ими налогов, поскольку правитель предлагает взамен защиту, сражается за отчизну, восстанавливает справедливость [18, с. 243]. Поскольку и священники пользуются услугами правителя в области обороны и безопасности, то «церковь или вся масса верующих во Христа должна быть подвластна мирским правителям, должна соблюдать их повеления, не противоречащие Закону Вечного Спасения» [18, с. 249–250]. Идею служения правителя Марсилиий вписывает в контекст христианской онтологии, не допускает произвол власти подчинением правителя законам Божьим, рассматривает отправление власти не как право, а как долг. Таким образом, несмотря на концептуальный сдвиг в политической мысли Марсилия Падуанского, мыслитель осуществляет пересборку «Социального» внутри существующего порядка.

Утверждая монополию власти правителя на принуждение для формирования мир(о)-порядка итальянский мыслитель лишает римских епископов данной власти, «ибо принуждение никогда не принесёт никакой выгоды делу Вечного Спасения» [18, с. 246], но в то же время допускает делегирование власти законодателем («никакой епископ или папа не имеют принудительной юрисдикции над кем бы то ни было в этом мире, хоть над священником, хоть над несвященником, если только эта власть не предоставлена законодателем, который всегда имеет право её у него забрать по серьёзной причине, полная оценка которой принадлежит тому же законодателю, особенно в сообществах верующих» [18, с. 253–254]. Падуанец проводит аналогию между деятельностью священника и доктора/лекаря – функционал данных профессий состоит в предписании конкретных наказов, исцеляющих души и тела, но не имеющих принудительного характера [18, с. 276]. Он предлагает называть декреталии римских епископов не законами, а учениями [18, с. 290], и в силу этого лишает юрисдикции римских епископов в вопросе осуждения еретиков [18, с. 309–311], «так как никто не наказывается и не карается в этом мире за свершение греха против теоретических или

практических учений как таковых» [18, с. 304]. Марсилиий формулирует идею, которая в протестантизме будет обозначена как «спасение/оправдание верой»: «Вина и задолженность вечного проклятия прощаются истинно раскаивающемуся грешнику только одним Богом, без предварительного или последующего участия священника» [18, с. 263]. Право на утверждение судьбы, в функции которого входит разбирать [дело], судить виновного, прощать его или приговаривать к публичному позору и изгнанию из сообщества верующих, Марсилиий вручает «всей массе верующих или их главному консилиуму в лоне того общества, в котором кто-либо должен быть осуждён таким судом» [18, с. 267]. При этом согласно Марсилию, судьёй является мирской правитель как таковой, но не священник или епископ [18, с. 283]. Итальянский мыслитель выступает против тамплиеров, госпитальеров и других орденов, утверждая, что «никто не должен быть освобождён от общественных обязанностей и не может избавляться от гражданской юрисдикции без распоряжения того же законодателя» [18, с. 287]. В конечном счете, утверждая юрисдикцию правителя на правах законодателя над священниками для предотвращения смуты, Марсилиий видит епископат как составную часть государства, когда «правитель должен определить в каждой провинции, которая ему подчинена, точное число духовных служителей, равно как число людей, управляющих любой другой частью политического сообщества» [18, с. 288]. В рамках данного подхода Падуанский не ограничивается пересборкой «Социального» через новую конфигурацию институтов государства и церкви, но настаивает на реорганизации самой церкви, поднимая вопрос об источнике власти в сообществе верующих, об экономическом статусе церкви, праве назначать священнослужителей. Марсилиий предписывает церкви соблюдать заветы Иисуса в отношении бедности/богатства, обладать только теми вещами, которые обеспечивают удовлетворение непосредственных сиюминутных потребностей [18, с. 356, с.363, 396]. Рассматривая вопрос об источнике власти в сообществе верующих, Марсилиий напоминает, что «основателем всех служб в государстве является законодатель (тот, кто стоит у власти) самолично или через правящую верхушку» [18, с. 402].

По мнению итальянского мыслителя, все священники равны в священном сане [18, с. 405], поскольку все апостолы получили равное священное право от Христа [18, с. 402]. В связи с этим, по мысли Падуанского, римские епископы не имеют права устанавливать в должности других епископов, лишать их сана, интерпретировать Писание и католическую веру [18, с. 420]. Марсилиий видит изоморфными принципы организации государства и церкви: в сообществах верующих «действующую безотлагательную причину учреждения или назначения руководителя (от самого высшего епископа до самых нижайших уровней священников) составляет или должно составлять всё множество верующих этой местности, которые через выборы или прямое волеизъявление того и тех, кому эта масса верующих предоставила власть, проводят подобные назначения» [18, с. 428]. В частности, в

число тех, кому масса предоставила право власть подбирать людей для продвижения их на должности священников, запрещать им исполнение функции, право утверждать или отклонять суждения, Марсилий включает человеческого законодателя [18, с. 434–435]. Итальянский мыслитель настаивает на уплате налогов церковью в обмен на её покровительство со стороны королевской власти [18, с. 439–440], которая в свою очередь будет распределять данные налоги «для удовлетворения потребностей бедных евангелистов и всех нуждающихся бедняков» [18, с. 478–479]. Падуанец предлагает ликвидировать монополию римских епископов в вопросах интерпретации Писания, установления церковных ритуалов, вверяя данный функционал всеобщему Собору христиан [18, с. 449, 451], которому, в конечном счете, и принадлежит главная власть в церкви [18, с. 459]. Механизм организации работы Собора, состоящего из священников и мирян, является, согласно Марсилию, прерогативой мирского законодателя [18, с. 459, 467], который также устанавливает форму и систему избрания священника римским понтификом [18, с. 471]. Таким образом, урезая власть римских епископов до определенной функции – священства, сокращая количество центров принятия решений в государстве, итальянский мыслитель стремится свести к минимуму расколы в гражданском обществе. В итоге итальянский мыслитель осуществил конвергенцию перипатетического и теологического дискурсов с применением органического подхода: при сохранении средневековой теологической конструкции социального бытия, в котором «вся власть от Бога», источник власти в «этом мире» – «человеческий законодатель» – выводится за пределы теологического дискурса. Пересборка «Социального» в труде Марсилия Падуанского предполагает новый аксиологический и институциональный порядок, в котором основополагающей ценностью и главным принципом социальной организации является единая неделимая политическая власть в лице государства, обладающая верховенством в процессе принятия решений.

Список литературы

1. Аквинский Ф. О правлении государей // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе (VI–XVII вв.). Л.: Наука. 1990. С. 234–243.
2. Афанасов Н., Павлов А. Секулярная политическая теология Марсилия Падуанского // Философско-литературный журнал «Логос». 2015. Т. 25, № 6 (108). С. 44–67.
3. Банк В.Э. Молодые годы Марсилия Падуанского. СПб.: тип. М.А. Александрова, 1913. 28 с.
4. Баранов В.Ф. Политическое учение Марсилия Падуанского и его связь с коммунальным движением Северной и Средней Италии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета: сб. статей. Т. 16, вып. 7. Вопросы истории. Петрозаводск, 1970. С. 124–136.
5. Бычков А.А. Обоснование и кризис имперской идеи в XIV веке: Данте Алигьери, Уильям Оккам и Марсилий Падуанский: автореф. дис. ... канд. полит. н. М., 2008. 27 с.

6. Гладков А.К. «Pacis civilium» Марсилия Падуанского: социальное благоденствие, «Здоровье» государства и функции власти в политической мысли XIV в. // Вестник Омского университета. Сер. «Исторические науки». 2017. № 4 (16). С. 7–12.
7. Данте Алигьери. Монархия / пер. с итал. В.П. Зубова; комм. И.Н. Голенищева-Кутузова. М.: «КАНОН-пресс-Ц» – «Кучково поле», 1999. 192 с.
8. Джермино Д. Возрождение политической теории // Политическая теория в XX в. / под ред. А. Павлова. М.: Издаельский дом «Территория будущего», 2008. С. 339. С. 336–363.
9. Енько А.Г. Борьба империи против светских притязаний папства в первой половине XIV века и «Defensor pacis» Марсилия Падуанского: Автореф. дисс. ... канд. ист. н. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1965. 14 с
10. Жильсон Э. Философия в Средние века. М.: Культурная Революция, Республика, 2010. 678 с.
11. Зибницкий Э. Град земной и град Божий. Проблемы христианской социологии в исторической перспективе // ЭОН. Альманах старой и новой культуры. 2017. С. 71–95.
12. Клименко О.А., Мирзоев А.К. Развитие понятия суверенитета от Марсилия Падуанского до Гегеля // Юридическая наука. 2016. № 3. С. 22–29.
13. Ключко Б.И. Законодатель в трактате Марсилия Падуанского «Защитник мира» // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2015. № 2. С. 133–140.
14. Ключко Б.И. Масилий Падуанский. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pravenc.ru/text/2562404.html> (дата обращения: 14.04.2023).
15. Кондратенко С.Е. Политическая аргументация Бонифация VIII и Эгидия Римского о сущности власти // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2017. Т. 10, № 2. С. 130–144.
16. ЛеГофф Ж. Цивилизация средневекового Запада / пер. с фр. под общ. ред. В.А. Бабинцева; послесл. А.Я. Гуревича. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. 560 с.
17. Лупарев Г.П. Мыслитель-бунтарь Марсилиий Падуанский // Марсилиий Падуанский. Защитник мира. Defensor pacis / пер. с франц. Б.У. Есенова; науч. ред., вступит. ст., примеч. Г.П. Лупарева. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К0», 2014. С. 11–63.
18. Марсилиий Падуанский. Защитник мира. Defensor pacis / пер. с франц. Б.У. Есенова; науч. ред., вступит. ст., примеч. Г.П. Лупарева. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К0», 2014. 656 с.
19. Серегин А.В. Развитие учений о монархической форме правления в средневековой Европе // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2010. № 2(18). С. 104–109.
20. Скиннер К. Истоки современной политической мысли: в 2 т. / пер. с англ. А. Олейника. М.: Издат. дом «Дело» РАГС и НХ, 2018. Т. 1. Эпоха Ренессанса. 464 с.
21. Суини М. Лекции по средневековой философии. Вып. 2. Средневековая политическая философия Запада. М.: Институт философии, теологии и истории Святого Фомы, 2006. 320 с.

22. Сытин А.Г. Концептуальный сдвиг в понимании оснований политики в европейской мысли XIV в.: учение Марсилиуса Падуанского // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2018. № 4. С. 35–43.
23. Царьков И.И. Священный порядок и право: опыт христианской теологии // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2017. № 4. С. 18–36.
24. Чичерин Б.Н. История политических учений: в 3 т. СПб.: Издательство РХГА, 2006. Т. 1. 720 с.
25. Gewirth A. Introduction // Marsilius of Padua: The Defender of the Peace. N.Y.: Harper and Row Publishers, 1967.
26. Strauss L. Marsilius of Padua // Marsilius of Padua: the Defender of the Peace. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.

PEACE/WORLD ORDER AS THE BASIS OF THE SOCIAL IN THE DOCTRINE OF MARSILIUS OF PADUA

N.N. Kozlova^{1,2}, S.V. Rassadin¹

¹ Tver State University, Tver

² Russian State Social University, Moscow

The authors explore the discursive construction of the «Social» in the work of Marsilius Padua «Defender of Peace». The authors assume that the Italian thinker accomplished the convergence of peripatetic and theological discourses using organic tools. The functional approach of the Italian philosopher is revealed, expressed in the search for the configuration of the institutions of the «Social», ensuring the peace and tranquility of society. As part of the discussion on the degree of radicality of the views of Marsilius of Padua, a moderate interpretation of his concept of popular sovereignty is proposed: while preserving the medieval theological construction of being in which «all power is from God», the source of power in «this world» is removed from the limits of theological discourse. The authors believe that the reassembly of the «Social» in the work of Marsilius of Padua presupposes a new axiological and institutional order in which the fundamental value and organization is a single indivisible political power represented by the state, which has supremacy in the decision-making process.

Keywords: «Social», social construction, Marsilius of Padua, theological discourse, political power, medieval philosophy.

Об авторах:

КОЗЛОВА Наталия Николаевна – доктор политических наук, доцент, заведующая кафедрой политологии, Институт экономики и управления, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь; профессор кафедры политологии и прикладной политической работы, ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет», г. Москва. E-mail: tver-rapn@mail.ru. ORCID Id 0000-0003-1212-6412, Scopus Author ID: 56446454300, ResearcherID D-5405-2019, SPIN-код: 6273-0895

РАССАДИН Сергей Валентинович – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры политологии, Институт экономики и управления, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь. E-mail: s_r08@mail.ru. ORCID Id 0000-0002-3478-0792, Scopus Author ID: 56518236300, ResearcherID AAS-7665-2021, SPIN-код: 7952-3904

Authors information:

KOZLOVA Nataliya Nikolaevna – PhD (Political Sciences), Associate Professor, Head of the Department of Political Science, Institute of Economics and Management, Tver State University, Tver; Professor of the Department of Political science and applied political work, Russian State Social University, Moscow. E-mail: tver-rapn@mail.ru.

RASSADIN Sergei Valentinovich – PhD (Philosophy), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Political Science, Institute of Economics and Management, Tver State University, Tver. E-mail: s_r08@mail.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.05.2023.

Дата принятия рукописи в печать: 16.06.2023.